

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. В. Головнёва**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФОРМА КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЕЕ СТРУКТУРА**

Несмотря на то, что исследование идентичности является традиционной темой в гуманитарных науках, изучение проблем, непосредственно связанных с явлениями регионального и кроссрегионального уровня, до сих пор носит в отечественных работах эпизодический характер. Такое положение дел во многом объясняется отсутствием теоретико-методологической концептуализации понятия «региональная идентичность», а также междисциплинарными барьерами в ее изучении.

В действительности, как показывает мировой и российский опыт, актуальность «регионального фактора» не снижается, а лишь варьируется сообразно политической обстановке. В условиях глобализации и глокализации наблюдается, с одной стороны, ситуационные кризисы идентичности, с другой, — активация регионального потенциала и региональной идентичности. Осознание механизмов развития региональной идентичности и сценариев ее дрейфа необходимо для предупреждения негативной идентичности и развития ресурсов многокультурности.

В данной работе предлагается рассмотреть региональную идентичность как особую форму коллективной идентичности, выделить ее особенности и структурные компоненты. Представляется, что данный подход позволит определить условия формирования и трансформации региональных идентичностей в контексте социодинамики региональных культур.

Опираясь на представления о коллективной идентичности, сложившиеся в научной литературе, можно зафиксировать несколько аспектов исследования региональной идентичности, способных прояснить ее теоретический статус и являющихся взаимодополнительными при ее изучении как социокультурного феномена. Это эссенциалистская идея об обусловленности коллективной идентичности рядом факторов (территориальным, этнокультурным, языковым, религиозным, историко-культурным и т.п.); указание инструменталистов на такие основные функции коллективной идентичности, как психологическая защита в мире отчуждения и мобилизация социальных групп на защиту своих интересов; идея конструктивистов о пространственно-временной и ситуационной относительности содержания коллективной идентичности. Последний подход акцентирует внимание на том,

что идентичность — это нечто такое, что может выбираться, что может быть сконструировано и чем можно манипулировать. Идентичности в инструменталистской и конструктивистской трактовке рассматриваются не как предписываемые, а как достигаемые.

Каждый из этих аспектов обуславливает свою расстановку приоритетов в исследовании региональной идентичности. Так, если мы соотносим региональную идентичность с осознанием образа своей территории как ментально-духовного пространства, при исследовании региональной идентичности мы должны обращать внимание на специфику действующих норм и ценностей, отношений людей в рамках региона, их ассоциаций, воспоминаний; а когда мы рассматриваем региональную идентичность как средство достижения обособления в политико-административном смысле, на первый план выходят вопросы, связанные с созданием привлекательности имиджа своего региона, построения брендинговой стратегии региона.

Различные аспекты анализа региональной идентичности обозначают проблему понимания ее содержательного наполнения. Какие именно компоненты можно выделить в ее структуре? Как они взаимосвязаны между собой? Представляется, что ряд характеристик содержательного плана региональная идентичность может получить на основе рассмотрения ее именно как особой формы коллективной идентичности.

В отличие от других форм коллективной идентичности (этнической, например), региональная идентичность в качестве фокуса, объекта отражения имеет географически фиксируемую локальность, место, территорию. В этой связи, методологически важное значение для исследования региональной идентичности в данной статье имеют работы отечественных и зарубежных авторов, связанных с изучением *place identity*, *place attachment*. Для изучения содержания региональной идентичности привлекаются также работы, связанные с рассмотрением структуры коллективной идентичности в целом, и в особенности исследования, выделяющие в составе коллективной идентичности когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты [8; 13]. Региональная идентичность определяется как форма коллективной идентичности, при которой ее носитель оказывается способным к пространственно-временной идентификации, ценностному, эмоциональному, регулятивному самосоотнесению с внешним миром.

Когнитивный компонент присутствует во многих дефинициях региональной идентичности, нередко составляя ее основное содержание. Когнитивную сферу составляет сложная система знаний представителей региона о собственной региональной общности, о занимаемой геокультурной реальности (особенностях территории, ландшафта, языка, традициях, истории и т.п.), свойствах и особенностях региона. При таком понимании региональной идентичности актуальным оказывается понятие «географические образы». По

определению Д. Н. Замятина, они представляют собой «устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне» [6, с. 92]. В условиях информационного общества, развития различных технологий воздействия на общественное мнение, усложнения социальной реальности в целом, функционирование региональной идентичности становится все более разнопланово детерминированным и многофакторным. В постмодернистской трактовке региональная идентичность предстает как «бриколаж» географических образов, локальных мифов и культурных ландшафтов, складывающихся в некую ментальную мозаику в конкретный момент времени» [5, с. 198].

При формировании образов региональной идентичности наиболее значимыми факторами академик В. А. Тишков считает природный и культурный ландшафт, наиболее известные памятники природного и культурного наследия, исторические и политические события, связанные с географическими объектами, нанесенными на карте, знаменитые люди, чья биография и деятельность связаны с географическими объектами [7, с. 27]. Образ региона предстает как совокупность символов, связанных с определенной территорией, накопленных в определенной культуре и репрезентированных через произведения литературы, музыки и живописи, кинофильмы, различные документальные источники, а также местные городские ландшафты, архитектуру, памятники и т.д. С одной стороны, образы региональной идентичности являются продуктом восприятия региональной культуры общественным сознанием, с другой стороны, они представляют собой результат и форму концептуальной организации и интеграции представлений о регионе.

Целенаправленно создаваемые образы региона определяются как его имидж. Имидж представляет собой не просто образ как результат отражения в сознании субъекта под определенным углом зрения, а образ, сформированный в результате целенаправленной деятельности по искусственному изменению данного отражения, то есть имидж региона выступает как инструмент преобразования и конструирования социальной реальности. Деятельность по оптимизации региональных образов может быть реализована в рамках такой социальной практики, как создание позитивного имиджа региона, и основываться на включении в процесс формирования представлений о регионе субъекта, профессионально владеющего указанной практикой.

Ценностный компонент региональной идентичности. Финский исследователь А. Пааси, предлагает отличать идентичность региона (как аналитический конструкт, используемый политиками, культурными активистами и пр.) от региональной идентичности, связанной, в первую очередь, с идентификацией с определенным местом [19, с. 167 – 168].

Если понимать региональную идентичность как субъективную связь человека/регионального сообщества с *местом* его проживания, то в содержании региональной идентичности определяющую роль играют не идеологические мотивы, а культурные ценности. Давая типологическую характеристику региональной идентичности, М. В. Назукина в качестве ее доминирующего типа в России выделяет вариант сильного внутреннего единства населения региона на основе культурно-ценностной идентификации, подчеркивая значимость культурных ценностей в ее воспроизводстве [9, с. 14]. Данное исследование показывает, что ценности региональной культуры до сих пор обладают значительной устойчивостью, несмотря на современный «культурный номадизм» и ситуацию «дисплейс-мента» (А. Аппадурай), выражающейся в отсутствии социального прикрепления к какой-либо одной географической точке.

Зарубежные исследователи также обращают внимание на значимость ценностной компоненты в структуре региональной идентичности, выявляя ее символическое и историческое измерения (запечатленные в историко-культурном и природном ландшафте). Так, И. Ф. Туан рассматривает место как преобразованное пространство, наделенное ценностным содержанием, приобретаемым символическую форму [21]. Согласно А. Пааси, региональные символы и значения объединяют прошлое, настоящее и будущее региона, они играют ключевую роль в обозначении экономического и политического единства региона как «изнутри», так и «снаружи». Значение символов состоит в производстве и воспроизводстве социальной целостности и социально-пространственной отличительности. [19, с. 167]. Символическую природу имеет название региона, материальные объекты (памятники, архитектурные сооружения), значимые личности, ритуальные действия (праздничные события, жизненный стиль регионального сообщества).

Региональная идентичность тесно связана также с проблемами восприятия времени и толкования культурного прошлого, воображаемой идентификацией. Региональная идентичность конструируется посредством обращения к «перевернутой», внутренне ориентированной истории, которая обращается в прошлое, к усвоенным моделям происхождения [18]. С точки зрения Дорин Мэсси, идентичность места выражается в рассказываемых историях, в том, как они рассказываются и какая из этих историй превалирует [17].

Различия в общей направленности на определенные ценностные ориентации не обязательно должны быть полностью отрефлексированы и вербализованы, но хотя бы частично они осознаются и воспринимаются и тем самым входят в состав региональной идентичности. В то же время, нельзя не отметить, что для региональной идентичности характерна ценностная гетерогенность, неоднородность, мозаичность, так как она определяется множеством социальных субъектов, ценности которых могут не только не совпадать, но и но-

сить антагонистический характер. В своей работе Е. В. Дзякович выделяет в идентичности микрорегионального уровня наличие различных групповых концептосфер: профессиональных, возрастных, гендерных, территориальных, а также противостояние «низовой» и «официальной идентичности» [3, с. 32]. Присутствие множества дискурсов в региональной идентичности обуславливает известную фрагментированность, противоречивость и неопределенность этого феномена.

Региональная идентичность предстает как динамическая структура, которая обнаруживается в процессе формирования «репертуара» повседневных практик [19, с. 165]. Подвижность региональной идентичности вызвана в том числе объективными условиями — продолжающимися изменениями в физическом пространстве (перемещением границ, изменением ландшафта, сменой архитектурных сооружений, институциональных форм и т.п.). С изменениями физического пространства меняются и ценностные представления, символы, жизненный уклад и социальные отношения индивидов. Региональная идентичность может усиливаться (иметь статус «артикулированной региональной идентичности») и ослабляться («исчезающая региональная идентичность») в результате изменения именно ценностной компоненты. Так, в отечественных исследованиях М. В. Назукиной и А. А. Гриценко выделяются типы российских и украинских регионов со слабой и сильно выраженной региональной идентичностью [9; 2].

Если на уровне философско-теоретического и художественного сознания суждения о региональной идентичности дополнительно поддерживаются системой объяснений и обоснований, в которых устанавливается связь региона с особенностями культуры и истории, то осознание своей региональной принадлежности на обыденном уровне, как правило, не требует рефлексии. Как отмечает И. Нарский: «Проявления локальной идентичности имеют разовый, точечный характер. Для них нужны особые поводы: отъезд из родного места, встреча с земляками вдали от дома или столкновения с чужим у себя дома» [10, с. 152]. По мнению Л. Манцо, актуализации региональной идентичности в большой степени способствует путешествие, сопровождающееся выстраиванием различных паттернов разных социальных сред [16, с. 53].

В условиях «проблемной идентичности» человек стремится к изменению своего окружения, новое место выбирается как маркер начала «новой жизни» [16, с. 54], индивид остается жить в том месте, которое продуцирует чувство стабильности. Кроме того, в моменты кризиса глобальной культуры (например, в отсутствии национальной идеи), именно на региональном уровне могут возникать конкретные идентификаторы, выводящие личность из кризиса. «Локальная идентичность (самоотождествление человека со своей «малой родиной», с местом проживания) утверждается в открытом информационном про-

странстве в ходе сознательного, а порой и неосознанного противостояния обезличенным глобальным символам» [11, с. 11]. Это связано с функциональной особенностью региональной идентичности осуществлять первичную социализацию и удовлетворять базовую потребность человека в принадлежности к определенному сообществу.

При всей значимости культурных ценностей для регионального самоопределения, нельзя не отметить роль административного ресурса, позволяющего артикулировать свою отличительность принципиально новыми способами. Сюда можно отнести целенаправленное конструирование новых значимых идентичностей, типа «советскости», «республиканскости» и т.п., превращающих культурные и символические различия в политические. На уровне идеологии суждения о региональной идентичности систематизируются, приобретают определенность, обрастают эмпирической базой. В современной действительности, по мнению Анри Лефевра, репрезентации пространства выступают чаще всего как репрезентации власти и идеологии, которые находят свое воплощение в обжитом пространстве [15].

Эмоциональный компонент региональной идентичности включает в себя стандартные стереотипы эмоционального реагирования жителей региона на конкретные ситуации, интенсивность реакций, преобладающие эмоции. Уровень эмоциональной реактивности отличается, например, у жителей южных и северных территорий (сензитивность и эмоциональность в противовес сдержанности и флегматичности). Различен и примыкающий сюда уровень волевого контроля, который регламентирует эмоциональную сферу: «разрешает» или, напротив, «запрещает» ее представителям определенный уровень эмоционального реагирования.

Эмоциональный компонент региональной идентичности в зарубежных исследованиях эксплицируется посредством концепции «чувство места» (Д. Мэсси) и феноменологии восприятия, описывающей отношения между миром человека и его телом (М. Мерло-Понти). Феноменологический подход выступает здесь теоретической основой для описания эмоциональной привязанности человека к определенному месту и оказывается связанным с концепцией «жизненного мира» (Гуссерль).

По словам Осборна, «чувство места» также укоренено в персональной идентичности, как и осознание своей принадлежности к нему [18]. А. Лефевр выделяет особый срез пространства, *lived space*, которое «скорее чувствуют, чем мыслят». Данное пространство обозначается также как «*spiritual space*» или «*genius loci*», складывающееся в сфере индивидуального бессознательного [20, с. 9]. На этом уровне формируются пространственные привязанности, делающие нашу жизнь более устойчивой и ценностно значимой: родина, родительский дом, своя комната, любимый сквер и т.д. [1, с. 220]. Эмоциональная привязан-

занность к определенным местам лежит, в частности, в основании создания особых «вернакулярных районов» в региональном пространстве — освоенных мест и связанных с ними повседневных практик. В плане внешней репрезентации подобный уровень региональной идентичности воплощается и описывается скорее средствами искусства, чем науки.

Л. Манцо отмечает, что в исследованиях *place attachment*, эмоциональная привязанность к месту обычно характеризуется как вызывающая позитивные эмоции, поскольку она архетипически связана с метафорой «дома», заключающей в себе чувство радости, защищенности, безопасности, комфорта. Однако, по мнению автора, эмоциональные реакции на место проживания амбивалентны и включают в себя, в том числе, и негативные чувства, болезненные, травматичные воспоминания (феномен «топофобии»). Таким образом, будучи гибким адаптивным свойством, региональная идентичность в своем ситуативном дрейфе может принимать как позитивные, так и негативные оттенки. Кроме того, необходимо учитывать и возможную эмоциональную связь человека с географически отделенными друг от друга местами, не связанными с его постоянным местом проживанием [16, с. 49 – 50].

Что влияет на наше чувство места и пространства? По Л. Манцо, переживание социального и культурного опыта места обусловлено не только персональными эмоциональными реакциями, оно является частью и подвержено влиянию социальных отношений (гендерных, этнических, расовых, классовых и др.), в которые включен человек. Под их воздействием формируются, в частности, «коллективные ожидания» (*collective expectations*), нарративы страха («алармистская идентичность»), ностальгии, эмоциональные поведенческие реакции на жителей региона и даже различное восприятие «дневного» и «ночного» образа жизни локуса [См.: 12].

«Место в значительной степени предписывает способы поведения, мышления, организацию жизни и отношения людей и в то же время определяет картину мира, являясь естественным источником метафор для социального конструирования реальности» [14, с. 117]. *Регулятивный компонент региональной идентичности* включает в себя способы поведения, конкретные практики ориентирования в региональном пространстве. Сюда можно отнести, к примеру, наличие повседневных практик восприятия опасности тех или иных территорий, избегание их посещения и выработки «безопасных» маршрутов передвижения, ритуалы посещения родственников, сакральных мест, посещение праздничных мероприятий и других, знаковых для региона, событий. Обращаясь к пространственному фактору, А. Лефевр отмечает, что пространства выполняют определенную функцию «программирования» социального поведения и повседневная жизнь буквально «колонизирована» пространственной организацией. «Артикулированная региональная идентичность» вы-

ступает основой для участия в коллективных действиях для защиты региональных интересов, принятия на себя ответственности за судьбу региона, вплоть до самопожертвования [20, с. 12].

Таким образом, в составе региональной идентичности можно выделить когнитивный, ценностный, эмоциональный и регулятивный компоненты. Значение данных компонентов в функционировании региональной идентичности можно оценить двояко. Во-первых, объективно существующие различия по этим характеристикам (уровень эмоционального реагирования, иерархия ценностных предпочтений) служат основанием региональной идентичности в той мере, в какой они являются объектами отражения и рефлексии. Во-вторых, данные компоненты можно рассматривать как каналы определения и формирования региональной идентичности.

Предложенная модель структурирования региональной идентичности является одним из возможных способов выделения и описания ее структуры. Она может эмпирически обогащаться при конкретном изучении региональных идентичностей. Как показывают практические исследования, каждый из российских регионов представляет собой совершенно уникальный набор проявлений региональной идентичности в содержательном выражении и наборе дискурсивных практик.

Все сказанное приводит к заключению о том, что сегодня актуально не только создание привлекательного образа своей территории с помощью политических технологий, но и конкретно-научное изучение содержательных особенностей региональных культур и региональных идентичностей (которые находятся в процессе внутренней динамики), задача написания истории культуры России как истории «областных культур», изучение процессов формирования самоопределения, присущих внутреннему состоянию современных регионально-локальных социокультурных обществ.

Список источников и литературы

1. Бедаш Ю. А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник ТПГУ. 2012. 11 (126). — С.212 – 224.
2. Гриценко А. А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье. Автореферат дис. ... канд. геогр. наук. — М., 2010. — 25 с.
3. Дзякович Е. В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов. Автореферат дис. ... доктора культурологии. — М., 2001. — 45 с.
4. Докучаев Д. С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях: социально-философский анализ. Автореферат дис. ... канд. филос. н. — Иваново, 2011. — С. 18.

5. Замятин Д. Н. Идентичность и территория // Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010). Отв. ред. И. С. Семененко. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 186 – 203.
6. Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. — М.: Знак, 2006. — 488 с.
7. Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Кн. 1.: Образы российских республик в интернете. — М.: ИАЭ РАН, 2009. — 147 с.
8. Михайлов В. А. Тенденции эволюции русского этнического сознания (социально-психологический аспект). — Ульяновск: Ульян. гос. техн. ун-т, 2001. — 242 с.
9. Назукина М. В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ. Автореферат дис. ... канд. полит. наук. — Пермь, 2009. — 26 с.
10. Нарский И. Путешествие между университетскими мирами, или бремя свободы // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед. проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 138 – 164.
11. Семененко И. С. Идентичность в предметном поле политической науки //Идентичность как предмет политического анализа. Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции (ИМЭМО РАН, 21-22 октября 2010). Отв. ред. И. С. Семененко. — М.: ИМЭМО РАН, 2011. — С. 8 – 12.
12. Симонова В.В. Интерпретации пространства представителями малочисленных народов Севера в различных социокультурных средах. Автореферат дис. на соиск. уч. степ. ... канд. социол. наук. — М., 2008. — 36 с.
13. Хотинец Ю.В. Этническое самосознание. — СПб: Алетейя, 2000. — 240 с.
14. Черняева Т. Город: производство идентичностей // Гражданин мира или пленник территории? К проблеме идентичности современного человека. Сб. материалов второй ежегодной конф. в рамках исслед.проекта «Локальные истории: научный, художественный и образовательный аспекты». — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — С. 116 – 137.
15. Lefebvre H. The Production of Space. — Oxford: Blackwell, 1991. — 454 p.
16. Manzo L. Beyond house and haven: toward a revisioning of emotional relationships with places // Journal of Environmental Psychology. 23. 2003. — P. 47 – 61.
Режим доступа:
http://larch.be.washington.edu/people/lynne/docs/Beyond_house_and_haven.pdf
17. Massey D. A global sense of place // Space, place and gender. — Cambridge, Polity press, 1994. — P. 146 – 156.
18. Osborne B. S. Landscapes, Memory, Monuments and Commemoration: Putting Identity in Its Place, DRAFT, 2001. Режим доступа:
http://clio.110mb.com/Osborne_Landscape.pdf (дата обращения: 21 августа 2013 г.)
19. Paasi A., Zimmerbauer K. Theory and practice of the region: a contextual analysis of the transformation of Finnish regions // Treballs de la Societat Catalana de Geografia, 71-72, 2011. — P. 163 – 178.
20. Raagmaa G. Regional identity and Social Capital in Regional Economic Development and Planning // European Planning Studies. 2002. Vol.10. № 1.
21. Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective // Human Geography. An Essential Anthology / J. Agnew, D. N. Livingstone, A. Rogers (eds.) — Oxford: Blackwell, 1996. — P. 444 – 457.